

Оглавление

Предисловие.....	9
Глава 1. На плечах гигантов	14
Глава 2. В ожидании развязки.....	24
Глава 3. Ракетный мальчик	34
Глава 4. Жажда странствий.....	49
Глава 5. Доктор санки.....	65
Глава 6. После смерти отоспишись.....	78
Глава 7. Скажи «сы-ы-ы-ы-р»	88
Глава 8. Кабаны в Хьюстоне	101
Глава 9. Дуги начинает.....	112
Глава 10. Ракетный рейд салаг.....	121
Глава 11. Космические задницы	133
Глава 12. Юный Скайуокер	147
Глава 13. Макгайверинг «мира»	162
Глава 14. «Звездный доктор»	175
Глава 15. Сила и честь	191
Глава 16. Огонь и дождь	207
Глава 17. Угрызения совести и воскрешение.....	223
Глава 18. Да здравствует «Колумбия»!	236
Глава 19. Скотт против вулкана	246
Глава 20. Решающая битва железного человека.....	258
Глава 21. «Рэмбонавты».....	272

Глава 22. В мгновение ока	283
Глава 23. Что-то шить?!	294
Глава 24. Этот день	303
Глава 25. Богиня	317
Глава 26. Редкий воздух	333
Глава 27. Выше неба	343
Глава 28. Власть луны	358
Глава 29. Ледяной холод и тепло	368
Послесловие	376
Маршрут проложен	376
Благодарность	382
Об авторах	388

Предисловие

Пока я не уволился из NASA¹ и не перешел к другим занятиям, моей основной задачей в космическом агентстве было руководство обучением астронавтов обращению с научными полезными нагрузками — сначала для серии полетов лаборатории SpaceLab², а затем для Международной космической станции (МКС)³. Хотя я не занимался лично

---

¹ Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (National Aeronautics and Space Administration) — орган федерального правительства США, подчиняется непосредственно президенту и отвечает за реализацию американской гражданской космической программы, а также за проведение научных исследований в области авиации, воздухоплавания и космонавтики. — *Здесь и далее примечания, обозначенные арабскими цифрами, принадлежат переводчику.*

² SpaceLab — обитаемый лабораторный блок в грузовом отсеке много-разового транспортного корабля системы Space Shuttle. Предназначался для проведения экспериментов на околоземной орбите Земли в условиях микрогравитации. Служил неким аналогом пилотируемой станции, совершающей орбитальный полет совместно с космическим кораблем. Для каждого запуска блок имел свой набор научных приборов и систем сообразно потребностям миссии.

³ Международная космическая станция, сокр. МКС (англ. International Space Station, сокр. ISS) — многоцелевой пилотируемый космический исследовательский комплекс. Совместный международный проект, в котором участвуют 14 стран: Россия, США, Япония, Канада и входящие в Европейское космическое агентство (ЕКА) Бельгия, Германия, Дания, Испания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Франция, Швейцария, Швеция (первоначально в составе участников были Бразилия и Великобритания). Управление МКС осуществляется: российским

миссиями, которые проводились с участием самого доктора Скотта Паразински, я немало знал о нем почти с самого начала его космической карьеры. Его первым полетом был рейс STS-66¹ — миссия ATLAS-3, которую готовил и проводил центр в Хантсвилле, штат Алабама, в котором я работал. Проходящие у нас подготовку нередко заговаривали об этом астронавте; по рассказам инструкторов, Скотт был исключительно сообразительным, старательным и вежливым.

Иначе говоря, он не только схватывал все на лету, но и был впридачу очень приятным человеком. Позже мы узнали, что помимо этого Паразински смел, силен и решителен, но с точки зрения инструкторов именно обучаемость и легкость в общении были наиболее важными качествами. Когда мы узнали его еще лучше, у нас возникло желание, чтобы Скотт выполнял все наши миссии. Мы дали знать об этом нашим руководителям. Повлияло ли это на какое-либо из его назначений, не знаю, но надеюсь, что повлияло.

Еще одной моей функцией в NASA была работа в «имитаторе нейтральной плавучести» NBS (Neutral Buoyancy Simulator) Центра космических полетов имени Маршалла — гигантской емкости с водой объемом миллион галлонов, где астронавты отработывали навыки работы вне корабля — иначе говоря, выхода в открытый космос в герметичном скафандре. Хотя обычно моя работа в NBS заключалась в том, чтобы страховать космонавтов как инструктор-водолаз, иногда мне приходилось самому лезть в скафандр, чтобы

сегментом — из Центра управления космическими полетами в Королеве, американским сегментом — из Центра управления полетами имени Линдона Джонсона в Хьюстоне. Управление лабораторных модулей — европейского «Коламбус» и японского «Кибо» — контролируют Центры управления ЕКА (Оберпфаффенхофен, Германия) и Японского агентства аэрокосмических исследований (г. Цукуба). Между Центрами идет постоянный обмен информацией.

¹ 66-й по счету полет по программе Space Shuttle. Каждая миссия имела свое обозначение, состоящее из сокращения STS (англ. Space Transportation System) и порядкового номера полета шаттла.

понять, каким процедурам астронавт должен будет следовать во время реальной космической миссии.

Работая в скафандре или, как его официально называют, «агрегате для внекорабельной деятельности» EMU (Extravehicular Mobility Unit), человек чувствует себя так, как будто на него одновременно напялили десяток шинелей. Перчатки, также находящиеся под давлением, делают осязание полностью бесполезным, а сила нужна только для того, чтобы держать гаечный ключ. Не все астронавты уверенно работали в скафандре. Сотрудники NBS очень хорошо знали тех, кому эта работа подходила, и тех кому не очень. Скотт числился среди первых — в этом деле он был действительно хорош. Словно шестое чувство подсказывало ему, где что находится; ему не надо было скручиваться в штопор, чтобы выбрать и использовать необходимые инструменты, даже если шлем ограничивал обзор или громоздкость скафандра мешала приступить к работе. Эта врожденная способность очень пригодилась Скотту в конце карьеры в NASA, когда все, что от него требовалось — выйти наружу и (без специальной подготовки) избежать поражения электрическим током, спасая МКС с помощью хрупкого ручного инструмента.

Конечно, судьбу Скотта Паразински нельзя сводить к его карьере астронавта. Проще говоря, я думаю, справедливо будет сказать, что Скотт — это чудесный человек, который за свою жизнь совершил больше подвигов, чем большинство из нас может себе представить или даже пожелать. Хотя большинство его приключений были опасны для жизни и сопряжены с высокой вероятностью неудачи, Скотт всегда оставался тем человеком, который упорно движется в нужном ему направлении, и каким-то образом ему неизменно удавалось прийти к цели. Теперь, держа в руках эти мемуары, мы можем пройти вместе с ним его путь, и это действительно потрясающе.

*Гомер Хикэм, автор книги
«Ракетные мальчики: мемуары»*

Глава 1

На плечах гигантов

«Ни одно приключение нельзя назвать веселым, пока оно не закончилось»

— менеджер программы пониженной гравитации Дом (Доминик) Дель Россо, NASA

Лагерь 2 на Эвересте, 2008 год

До восхода солнца на южной стороне горы Эверест еще далеко. Я сижу в палатке в Лагере 2 на высоте 21 000 футов (6400 метров) над уровнем моря, на пути к вершине. Восходящие потоки воздуха всю ночь пытались разорвать тонкие рипстопные нейлоновые стенки, и пока не намерены униматься, но спать мне мешает не пробирающий до костей холод и не яростные порывы ветра. Всему виной жгучая боль в спине.

Будильник в наручных часах зазвонил в 3:00 ночи. Я с усилием выбираюсь из спальника, решив не обращать внимания на свое состояние. Надев ботинки и кошки, затягиваю поясной ремень страховочной системы¹ до тех пор, пока он не

---

¹ Страховочная система (обвязка) — один из наиболее важных элементов снаряжения, обеспечивающих безопасность при лазании/прохождении маршрута. У скалолазов включает поясную беседку с силовым кольцом. Термин «беседка» пришел из корабельного дела: так называли приспособление, в котором человек сидит во время подъема/спуска по борту, для проведения, например, покрасочных работ.

сдавливает меня клещами. Это помогает, и спина чувствует себя немного лучше, когда мы отправляемся навстречу пред-рассветному холоду.

Подъем из Лагеря 2 в Лагерь 3 означает ошеломляющий маршрут более чем на 3 тысячи футов вертикально вверх по твердому синему льду, в том числе по бергшрунду¹ — массивной трещине, образованной мигрирующим ледником, отколовшимся ото льда на горе выше.

В мою команду входят шерпы² Ками и Анг Намья, а также Чип Поповичу, Вэнс Кук и Адам Яниковски, мой хороший друг, с которым я пытался покорить Денали³ несколько лет назад.

После того как мы перебираемся через расщелину по заранее намеченному направлению, мы поднимаемся по короткому почти вертикальному слою льда, чтобы попасть на саму «Стену⁴ Лхоцзе⁵» — длинный, очень крутой ледяной склон, ведущий к Лагерю 3 на высоте 24 500 футов (7473 метра) над уровнем моря. За то, чтобы добраться до лагеря,

---

¹ Бергшрунд (нем. Bergschrund), подгорная трещина, разрыв толщи льда и фирна у основания склона горного ледника. Отделяет неподвижную, примерзшую к скалам часть ледника от подвижной. Бергшрунд с нависающей стенкой — серьезное препятствие для горных туристов и альпинистов.

² Шерпы (в единственном числе шерп и шерпа) — народность монголоидного типа, живущая в Восточном Непале, в районе Эвереста, а также в Индии, потомки тибетцев. Самоназвание — шаркхомбо. Традиционное занятие шерпов в Непале — земледелие (выращивание картофеля и овса), скотоводство (разведение яков); в Индии — торговля и участие в восхождениях, где они незаменимы как носильщики-проводники.

³ Денали (Тенада или Дилааси) — двуглавая гора на юге центральной части Аляски, высочайшая (6135 м) точка Северной Америки, находится в 210 км севернее Анкориджа, в центре национального парка Денали. С 1896 года до 28 августа 2015 года называлась Мак-Кинли в честь 25-го президента США.

⁴ В альпинизме «стена» — любой склон с крутизной, приближающейся к 60 градусам.

⁵ Четвертая по высоте (8516 м) гора мира. Находится в хребте Махалангур-Гимал на границе Непала с Китаем, в 3 км к югу от Джомолунгмы (Эверест), и отделена от последней перевалом Южное Седло.

я плачу недешево — 4 часа пути, боль в напряженной спине, и так далее.

Лагерь 3 — ближайшая (и, безусловно, наименее удобная) остановка на пути к вершине. Он расположен на нескольких небольших площадках, выбитых на очень крутом склоне горы. Альпинисты, как правило, стараются не выходить ночью из палаток по нужде, поскольку это опасно — рискуешь запутаться в веревках, поскользнуться и рухнуть вниз, сползти по склону Лхоцзе и закончить свое земное существование, разбившись вдребезги в бергшрунде и Долине Молчания в 2500 футах (760 метрах) ниже. Если мы хотим совершить успешный рывок к вершине, крайне важно отдохнуть здесь как можно лучше, и закинуться какой-нибудь пищей.

Прибыв в Лагерь 3, мы с приятелем Адамом спешим обустроиться задолго до заката. Когда я в конце концов, снимаю поясную обвязку, чтобы забраться в спальный мешок, боль и скованность возвращаются с прежней яростью. «Мне просто нужно немного поспать, — говорю я себе, — Тогда я смогу встать и пойти утром на вершину». Такое чувство, что кто-то полосует мои нижние позвонки ножом Рэмбо. Корчусь в спальном мешке, когда боль наступает и отступает волнами, снова и снова. Дышать трудно.

Делаю все, чтобы поддерживать себя в хорошей физической форме, но в реальности я — стареющий астронавт, а космические полеты не полезны для спины. Мысленно представляю свой позвоночник в виде «Падающей башни»¹, которая по ходу игры становится все менее жесткой. Двуногость и прямохождение сыграли с людьми злую шутку: они реально разрушают позво-

---

¹ Настольная игра Jenga, придуманная в 1970-х англичанином Лесли Скоттом: перед соревнованием из ровных деревянных брусков строится башня (направление укладки каждого нового этажа чередуется), а затем игроки начинают аккуратно вынимать по одному брусок и класть его наверх; башня становится все более высокой и все менее устойчивой.

ночный столб и межпозвоночные диски: даже у обычного человека эти невероятные нагрузки отзываются давлением на диски позвоночника до 16 килограмм на квадратный сантиметр*.

Но я — идеальный претендент на серьезные проблемы со спиной, и не только потому, что уже немолод и не молодею. Прибавьте рост 191 сантиметр (когда не сутулюсь), а затем учтите воздействия сильных перегрузок, которым я подвергаюсь при участии в соревнованиях по санному спорту и полетах на скоростных самолетах.

Наконец (что, скорее всего, еще важнее), мои многочисленные космические полеты и выходы в открытый космос означают, что возникновение заболеваний позвоночника почти так же неизбежно, как разрушение перегруженной шаткой «падающей башни». В невесомости позвоночный столб выпрямляется, и межпозвоночные диски набухают, пока на них не действует сила тяжести. Поэтому в космосе я бы подрос до внушительных 199 сантиметров в отсутствие силы тяжести, что достойно игрока Национальной баскетбольной ассоциации (к огромному сожалению, я подошел бы для нее ростом, но не талантом). Но возврат к гравитации всегда означает возвращение к первоначальному росту или даже чуть меньшему.

Для большинства астронавтов растягивание позвоночника в невесомости — рутина, поэтому размер скафандра выбирается с учетом временного увеличения роста. Это в теории. Инженеры NASA накидывают лишний дюйм к длине его верхней жесткой части, но этого всегда мало — и перед выходом в открытый космос упираться макушкой в шлем — «костюмчик» явно маловат. Через несколько

---

* 1 A. Schultz et al., “Loads on the Lumbar Spine. Validation of a Biomechanical Analysis by Measurements of Intradiscal Pressures and Myoelectric Signals,” *Journal of Bone & Joint Surgery* 64, no. 5 (1982): 713—20. — *Прим. авт.*

минут тело приспособливается: скафандр, по-видимому, создает избыточное давление на бедные межпозвоночные диски и сжимает позвоночник, убирая лишнюю высоту.

Я знаю, что моя боль в спине — большая проблема здесь, на горе. Но время уходит, а на карту поставлено многое. Подъем на Эверест¹ зависит от множества факторов, и большинство альпинистов в Гималаях стремятся успеть к сезону дождей до наступления летнего снегопада, потому что в это время, как правило, немного теплее. В мае, как правило, есть «метеорологическое окно» продолжительностью в одну-две недели, когда условия самые благоприятные. Тем не менее, даже тогда температура в среднем составляет -25°C , а скорость ветра порой достигает 22 метров в секунду.

Большинство людей не знают, что вершина горы почти уходит в стратосферу — вот как она высока. Здесь в полной мере ощущается мощь восходящих потоков воздуха, которые обрушиваются на гору со скоростью до 78 метров в секунду. Для сравнения: тропический шторм считается ураганом, когда скорость ветра в нем достигает всего 33 метров в секунду, а ураган 5-й категории, самый сильный, достигает максимума скорости в 70 метров в секунду. Это означает, что ветры Эвереста следовало бы отнести к ураганам 6-й или даже более высокой категории, если бы эти категории существовали; температура же здесь может упасть до -73°C .

---

¹ Мы знаем гору под именами Эверест и Джомолунгма. Последнее название пришло из Тибета и в переводе означает «Божественная (qomo) мать (ma) жизни (lung)». Однако в Непале гору называют Сагарматха («Лоб в небе»), а сама она является частью непальского Национального парка «Сагарматха». Эверестом гору назвал британец Эндрю Во: геодезисту не удалось найти единое общепринятое название даже после тщательного изучения всех карт окружающей местности и общения с ее жителями, и он принял решение назвать гору в честь Джорджа Эвереста — географа, работавшего в Индии, руководителя британской команды, которая первой исследовала Гималаи. Сам Эверест отказался от такой чести, но все же британские представители в 1865 году изменили название горы, которую до этого называли просто «15-м пиком».

Сегодня уже 59-й день моей экспедиции на вершину мира. Я строил планы и расчеты, надеясь на успех, но готовясь и к серьезным препятствиям на пути, совершил 4 похода* по мучительному, почти вертикальному и зачастую смертельно опасному ледопаду Кхумбу¹, замерзшей реке из смеси снега и ледяных глыб, покрытой головокружительными трещинами, распахивающимися под ногами, иногда на глубину более 45 метров. Я вонзал кошки на своих ботинках в твердый синий лед Стены Лхоцзе, поднимаясь выше, чем когда бы то ни было прежде, чувствуя, как молочная кислота жжет мышцы ног, а вздымающиеся легкие предупреждают, что я уже почти на пределе. И сейчас я пытаюсь взобраться туда, куда люди никогда не должны были ступать, и жду не дождусь, когда спина почувствует себя лучше. Эксперты рекомендуют проводить на этой высоте не более 48 часов², иначе организм

---

* Процесс высотной акклиматизации занимает несколько недель и заключается в выполнении вылазок в горы на постепенно увеличивающуюся высоту, чтобы альпинист привык к атмосфере, плотность которой падает. В организме при этом происходит широкий спектр биохимических и физиологических изменений, например, начинает вырабатываться больше эритроцитов для захвата ограниченного количества молекул кислорода во вдыхаемом воздухе. — *Прим. авт.*

¹ Ледопад Кхумбу — верхняя часть ледника в непальском регионе Кхумбу, стекающего с Эвереста с юга и находящаяся на высоте 5486 м на склонах, обращенных в Непал. Ледопад Кхумбу — самый опасный участок маршрута восхождения на Эверест через Южное седло, так как он постоянно находится в движении — вследствие неравномерной скорости течения льда его поверхность покрыта хаотическими разрывами, трещинами и ледовыми стенами, и там часто происходят ледовые обвалы.

² Термин «летальная зона» или, иначе, «зона смерти» ввел руководитель швейцарской экспедиции на Эверест 1952 года Эдуард Висс-Дюнан, высказавший мнение, что существуют лимиты, выход за которые губелен для альпинистов. На высотах более 8000 м человек может находиться за счет внутренних резервов не более 2—3 дней, постепенно теряя сопротивляемость: здесь кислорода для работы мозга недостаточно, рассудок мутится, а клетки начинают самопроизвольно массово умирать. Из-за сочетания остальных факторов и изменений в самом человеческом организме (главным образом, из-за чрезмерного загустения крови) альпинисты страдают от высотной болезни, подвержены риску инфаркта и инсульта.

начинает разрушаться, следовательно, у меня мало времени. Больше всего мне сейчас нужно отдохнуть в Лагере 3 и дать спине шанс исцелиться. Если это еще возможно.

Адам засыпает в палатке перед закатом, глаза прикрыты банданой, на лице — кислородная маска. Он немедленно начинает храпеть, глубокие вдохи чередуются с периодами тихого апноэ. Звучит жутко и напоминает предсмертный хрип, но рациональная часть моего мозга говорит мне: это просто физиологическое состояние, известное как дыхание Чейна-Стокса*, нормальное на этих экстремальных высотах.

Я бы отдал все, что угодно, чтобы захрапеть самому, но вместо этого следующие 12 часов провожу, ворочаясь в спальнике, тщетно пытаясь отыскать такое положение тела, в котором боль уймется или хотя бы ослабнет на ступеньку. В аптечке для экстренных случаев есть несколько таблеток оксикодона¹, но на такой высоте даже малая доза наркотических средств может привести к остановке дыхания. Я решаю, что дышать важнее, и терплю боль. Все, что у меня есть этой очень долгой ночью — лед, неловкие попытки вытянуться в спальном мешке и большие надежды на исцеление..

Это худший из возможных кошмаров: всего в 24 часах пути от вершины моей мечты я всю ночь не могу заснуть от жгучей боли, а с утра становится и того хуже. Что это, черт побери, такое? Корчусь в спальном мешке, пока боль то накатывает, то отступает. Сейчас, на высоте 24 тысяч футов, где кислорода в воздухе всего 40% от того, что есть на уровне моря, дышать еще труднее. Несмотря на то, что я провел в горах уже почти 8 недель и, как мне казалось, привык к раз-

---

* Дыхание Чейна-Стокса (также известно как периодическое дыхание) характеризуется нарастанием поверхностных и редких дыхательных движений, которые постепенно углубляются и, достигнув максимума на пятый-седьмой вдох, вновь ослабляются и стихают, после чего наступает пауза — *Прим. авт.*

¹ Обезболивающее, полусинтетический опиоид, созданных в попытке улучшить или заменить такие вещества, как морфин, диацетилморфин и кодеин.

реженному воздуху, сейчас ощущения таковы, как будто меня медленно душат. Но когда меня от боли кидает в холодный пот, недостаток кислорода отходит на второй план.

Каждые 30 секунд в течение ночи поворачиваюсь с боку на бок и вместо отдыха ощущаю полное и крайнее истощение. Это похоже на худшее из моих дежурств в больнице, во время которого приходилось бегать к пациентами всю ночь напролет, однако сейчас у меня еще есть ощущения гипоксии, некоторого обезвоживания и недоедания, а также здоровая порция боли. Это не входило в мои планы.

Я явно не готов к восхождению, но ровно в 5:30 шерпы Ками и Анг Намья расстегивают молнию на палатке, засовывают внутрь головы и передают нам кипяток, чтобы мы могли приготовить чай и съесть немного овсянки. Они стремятся подняться по «Стене Лхоцзе», чтобы быстрее добраться до вершины из нашей следующей точки назначения — Лагеря 4, также известного как «Южный Кол».

Удастся ли мне это сделать?

Адам снимает бандану, садится и смотрит на меня. Хмурится, отзеркаливая мою собственную гримасу, глядя в мои налитые кровью глаза, смотрящие на него поверх кислородной маски.

«Чувствую себя погано, но должен попробовать», — говорю я достаточно громко, чтобы он услышал меня сквозь маску.

Он понимающе кивает, вылезает из спальника и одевается, а затем поворачивается, чтобы помочь мне. На этот раз я не могу экипироваться самостоятельно: я спал в толстом утепленном костюме, и теперь мне нужна помощь, чтобы забраться в ременную обвязку и громоздкие ботинки, которые промерзли до -50°C . Несколько раз я вынужден останавливать Адама, чтобы стихли спазмы в нижней части спины, прежде чем продолжать. Стараюсь не кричать и не плакать.

Час спустя, в 6:30, мы почти готовы, и я заставляю себя выбраться из палатки. Команда по очереди помогает мне приладить кошки, а радио в это время передает голоса наших

товарищей по команде Кейси и Ари, празднующих подъем на вершину. В их голосах звучит радость, но мне становится стыдно, когда понимаю, что испытываю зависть, а не счастье.

Боже, каким же мелочным я могу быть... Избавься от этого, просто радуйся за них и забудь эту чертову боль! Мои друзья стоят на вершине самой высокой горы в мире, и если спина уймется и не будет мешать, я тоже буду там всего через 24 коротких часа.

Погода наверху сегодня отличная, -25°C , а ветер — менее 7 метров в секунду. Прежде чем стартовать, я хочу сесть и попробовать вытянуть спину, но места не хватает. Трудно даже поворачиваться, пока Ками заменяет мне кислородный баллон для предстоящего восхождения. Этот процесс на некоторое время отвлекает меня от боли, но когда я снаряжен, судороги возвращаются с удвоенной силой. Нет больше сил стоять вертикально. Навалившаяся боль заставляет скорчиться между палатками, где я размышляю о своем положении.

На работе я взял двухмесячный отпуск, оставил дома (несчастную) жену и двух замечательных детей и расписался над пунктирной линией, взяв 40 000 долларов под залог дома, чтобы оплатить кредит за это приключение. Проваливаясь в уныние («скорее всего, моя мечта никогда не сбудется, много времени, сил и денег потрачено впустую»), вдруг ясно вижу Южную Вершину над правым плечом. Она мучительно близко и до нее осталось всего около суток пути. Снова шевелится надежда: может быть, смогу, может, надо просто прекратить скулить... Разве нельзя пересилить себя и преодолеть это?

Знаю, у меня не так много времени, чтобы понять, справлюсь ли я. Вижу и слышу, как другие затягивают страховочную систему и поднимают рюкзаки. Сейчас или никогда! Но я в мучительной нерешительности и не уверен, должен ли пойти со своей командой.

В голове крутятся вопросы: если сегодня повернусь спиной к вершине, дождусь ли еще одной попытки? Смогу ли позволить себе это? Согласится ли на вторую попытку жена? Останется ли у меня вообще жена после такого?

Если я пойду, как это повлияет на шансы подняться на вершину для моих товарищей по команде? Скорее всего, они останутся со мной, особенно если спине станет хуже, или я попаду в трудное положение. Честно ли это по отношению к ним? Речь идет не только о моем самопожертвовании. Если боль усилится, и рухну, умру ли я? Окажутся ли мои товарищи по команде в смертельной ситуации, и тоже будут рисковать своими жизнями?

«Пытаешься подняться, да?» — голос шерпа Ками выдергивает меня из мучительного раздумья, и я вижу этого постоянно улыбающегося Железного Человека из Гималаев. Он смотрит на меня с серьезным беспокойством.

Не уверен, что собирался сделать именно это, но, хотя мне не хватает ни твердости, ни сил, решаюсь проверить. Поясницу полностью свело, я с трудом поднимаюсь на ноги и занимаю очень неустойчивое положение. Пока спина карает меня за каждое движение, я стою, задержав дыхание, а затем, несколько секунд спустя, медленно начинаю прокладывать путь к четким линиям крутых скал всего в пятидесяти футах от меня. Иду как переломанный человек Франкенштейна, но это лучшее, на что я способен. Может быть — ну, теоретически — моя спина расслабится, как только я пойду.

Не впервые сталкиваюсь с такой дилеммой. Иногда просто некуда идти, кроме как вверх.